

A high-contrast, red-tinted illustration of a man's head and shoulders in profile, facing left. He is wearing a fedora hat. The style is reminiscent of a woodcut or a high-contrast photograph. The background is black, and the red highlights define the man's features and the hat's brim.

Алексей Рекут

**Остап -апология
великого
комбинатора**

Алексей Рекут

**Остап -апология
великого комбинатора**

«Автор»

2026

Рекут А.

Остап -апология великого комбинатора / А. Рекут — «Автор»,
2026

Илья Ильф и Евгений Петров творили в очень непростое время. Вероятно, именно по этой причине в 32й главе романа Золотой теленок их герой изменился до неузнаваемости и стал совершать поступки совершенно несоответствующие масштабу его личности. Данная книга повествует о том, что на самом деле произошло после того, как Остап Бендер приехал в Москву и встретил Балаганова на Казанском вокзале.

© Рекут А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 8	15
Глава 9	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алексей Рекут

Остап -апология великого комбинатора

Пролог

История полна примеров, когда за отпрысками закрепляются не реальные фамилии родителей, а выдуманные прозвища или псевдонимы. И это обстоятельство почти никого не беспокоит. Людям просто кажется, что какие-нибудь Ротшильды существовали всегда, и только дотошные биографы знают, что еще не так давно они были Бауэрами, а никаких Ротшильдов не существовало вовсе.

Вероятно, так происходит тогда, когда, взяв однажды новое прозвище только его и используют, твердо и уверенно во всех случаях жизни. У нашего же героя было иначе. Фамилию Бендер выдумал когда-то себе его дед – полу-обрусевший армянин Лука Тарасов. Как-то, отправляясь из Нахичевани-на-Дону в паломничество к святым местам, он взял ее себе на время путешествия. Тем самым Лука намеревался сбить с толку злокозненных бесов, у которых, как он знал совершенно точно, было в обычае вредить родне пилигримов, находя её, конечно же, по фамилиям. Путешествие Луки прошло успешно, он вернулся, и стал использовать и эту фамилию тоже. Но, в отличие от, скажем, Ротшильдов, делал это ситуативно, от случая к случаю, особенно, когда требовалась удача. По старой армянкой традиции, стараясь усидеть на двух стульях одновременно.

Сын его, Авдей Лукич, так же не считал нужным менять заведенное отцом правило, поэтому, когда в феврале 1897 года будущий командор появился на свет, в приходе армяно-григорианской Георгиевской церкви его записали как Асатура Тарасова.

Тарасовы не бедствовали. Асатур рос беззаботным младшим в окружении любящих родителей, двух братьев и сестры. Купался, ловил в Дону лещей и раков. Катался на собственном пони.

Отец его не был особенно образованным человеком, но был амбициозен и предприимчив. Вознамерившись двинуть сына по дипломатической или внешнеторговой линии, в известный срок он планировал определить его в престижную одесскую гимназию Илиади.

События 1905 года насторожили Тарасова старшего. Вести с фронта, бунты на Потемкине и Очакове, а в декабре вооруженные выступления уже в самом Ростове, заставили поторопиться с началом образования младшего сына.

В гимназию Илиади зачисляли с десяти полных лет, а нашему герою в 1906 было только девять. Но, столь ничтожные обстоятельства никогда не смущали Авдея Лукича. Хорошенько все обдумав, за день до поездки в Одессу, он завел с сыном осторожный разговор

-Асатур джан, сынок дорогой, гимназию когда придём, и тебя «сколько лет» спросят, ты говори всем, что тебе уже десять, пожалуйста

Мальчик, до той поры славившийся своей честностью, посмотрел на отца чистыми голубыми глазами и возразил, что это будет неправда.

На это отец сокрушенно взмахнул руками, пробормотал себе под нос что-то вроде: «Ах! Сын джан! Как ты будешь жить?!» и куда-то ушел.

Вернулся он с метрической справкой, полученной в приходе, согласно которой, Асатур родился в 1896 году.

-Видишь, сын джан, я к отцу Возгену ходил, он по книгам все проверил, тебе десять лет, говорит. Мы с мамой ошибались, когда тебе девять говорили.

Вероятно, именно этот, казалось бы, ничтожный, обман, стал одним из формирующих для личности будущего великого комбинатора. Нельзя сказать, что после этого случая он стал

отчаянно врать по поводу и без. Вовсе нет. Скорее, он стал очень органично мимикрировать, когда чувствовал, что того от него требует среда или внешние обстоятельства. Так, одесскую еврейскую шпану он умел убедить, что он Асаэль. Для турка, торговавшего лучшей пахлавой в городе, он уже был Османом. Даже грек и француз, преподававшие в гимназии соответствующие языки, подозревали в нем какие-то корни своих народов и называли на уроках Евстафiosом и Анселем. Впрочем, в обычной, немимикрической жизни, за ним закрепился южнорусский вариант его имени - Остап.

После гимназии будущий командор два семестра проучился в Москве в армянском Лазаревском институте восточных языков.

Начавшаяся война неожиданным образом повлияла на мировосприятие Тарасова младшего. С одной стороны, он видел народные сборы и подписки на нужды фронта. С другой, наблюдал, как в Москве растут новые доходные дома и особняки. Он ощущал несправедливость, и не хотел с ней мириться. По этой причине, в 1915 году, не спросив родительского дозволения, перевелся на юридический факультет Московского Университета.

В октябре 1917 года Остап телеграфировал отцу из Москвы: «ПОЗДРАВЛЯЮ РЕВОЛЮЦИЕЙ ВСКЛ АСАТУР ТЧК». Старый Тарасов не обиделся. Отец был мудрый и хитрый, как киликийский пират. Он не имел образования, но имел опыт и чутье. Поэтому, осенью 1917 года, непосредственно ему, Авдею Тарасову, уже ничего не принадлежало. Не было ни домов, ни мануфактур, ни даже долей в страховых обществах. Дочь Марго была выдана замуж за преуспевающего купца в Персию, Геворг, старший сын, отправлен во Францию, а он сам перебрался в Таганрог, где его почти никто не знал. Авдей поселился недалеко от морского порта, чтобы вернее сойтись с капитанами и изучить те корабли, которые ходили до самого Средиземного моря и даже дальше. Капиталы теперь он держал при себе.

С самого начала 1918 года власть в Таганроге лихорадило. Пришли большевики. Выследили и расстреляли генерала Рененкампа, проживавшего по соседству под видом грека. Потом пришли немцы, нарушившие, ради такого случая, Брестский мир, и тоже кого-то расстреляли и ограбили. Не удивительно, что у Авдея Лукича от этого всего начали сдавать нервы, поэтому, когда в ноябре на юге установилась власть Краснова и Деникина, он съездил в Ростов и арендовал ячейку в хранилище Банка Взаимного Кредита.

Банк был обворован менее чем через месяц. На Рождество. Имея время, воры не торопились, были разборчивы и брали только бриллианты. Так Тарасов старший в одночасье потерял почти все. На протяжении 19-го года, несмотря на это, он находил возможность как-то поддерживать Асатура в Москве и Акопа в Петрограде. Но здоровье его пошатнулось и весной 1920 отец Остапа умер от испанки, действительно совсем ничего не оставив.

Похоронив отца, Остап осознал, что оказался в затруднительной и новой для себя ситуации, так как до этого момента ни разу в жизни не испытывал никаких материальных проблем. Надо было работать.

Ростовчане и одесситы всегда были людьми предприимчивыми. Друзья детства с готовностью предлагали Остапу принять участие в их делах, и он даже несколько раз, и не без выгоды делал это. Но, имеющиеся знания в области права, и особенно, осведомленность о скорой на расправу системе исполнения наказаний новой власти, подтолкнули нашего героя приискать иные источники дохода. Словом, он довольно быстро вернулся в Москву. Для надежности и удачи сменил фамилию с Тарасова на Бендер, и, без особенного труда нашел себе работу, благодаря уже университетским однокурсникам.

Так что, администратор театра «Колумб», Яков Менелаевич, не ошибся, когда вспомнил, что в 1922 году видел Остапа в Таганской тюрьме, так как тогда будущий командор часто посещал это место по делам службы.

Однако творческая и свободолюбивая натура великого комбинатора не позволяла ему органично встраиваться в иерархические структуры. Она рвалась к простору и независимо-

сти. Кроме того, он терпеть не мог насилия. Как раз в это время, его средний брат Акоп стал главным редактором Северокавказского отдела одной из центральных газет. Наш герой решил испытать новое поприще, и перебрался к нему, предварительно перечитав книгу Марка Твена «Как обманывать людей. Пособие для политиков, журналистов и карточных шулеров».

Первая же публикация далась ему очень тяжело. Не то, чтобы он не умел обманывать. Умел и очень хорошо. Но он всегда стремился обманывать тонко и тайно, так, чтобы этого никто не понимал. Журналистика же, как ему казалось, требовала обманывать совершенно откровенно. Он уверил себя в том, что для большинства думающих читателей обман очевиден. Парадокс лжеца, так позабавивший его когда-то на семинаре по философии, уже совсем не казался забавным, если примерять его на себя.

-Ахпер джан, - убеждал его тогда Акоп, -а ты представляй, что сказки сочиняешь. Помнишь, тебе в детстве больше всего нравилась «Кто расскажет небылицу»? Попробуй пожалуйста, брат джан.

Остап подобрал себе псевдоним и честно пропробовал целых четыре года, пока, в феврале 1928, его не привлекли к освещению Шахтинского дела. На неделю он выехал на место и, благодаря своему московскому опыту, быстро выявил преступный сговор учетчиков и отдельных шахтеров. Учетчики, очень проворные выходцы из Житомира, не без корысти конечно, кое-кому закрывали липовые наряды. В купе с просчетами и ошибками руководства это привело тому, что у озлобленных недоплатами шахтеров внезапно участились поломки и аварии оборудования, а уже за ними и срыв плана.

Несмотря на открывшиеся обстоятельства, идеологически безупречный материал Остап выдал. Но кровь киликийских пиратов дала о себе знать. Он чувствовал тревожную перемену политического ветра и сам становился все более беспокойным.

На речь тов. Сталина на пленуме ЦК от 9 июля 1928 года корреспондент Бендер отреагировал совсем уж неожиданно. Он вдруг уволился из газеты, и отправился по стране на поиски богатств и сокровищ.

Глава 1

Гражданин заграничного вида

Курсивом дан авторский текст Ильфа и Петрова из гл.32, для обозначения места врезки.

"В тот печальный и светлый осенний день, когда в московских скверах садовники срезают цветы и раздают их детям, главный сын лейтенанта Шмидта Шура Балаганов спал на скамье в пассажирском зале Казанского вокзала. Он лежал, положив голову на деревянный бортик. Мятая кепка была надвинута на нос. По всему было видно, что бортмеханик Антилопы и уполномоченный по копытам несчастлив и нищ. К его небритой щеке прилипла раздробленная яичная скорлупа. Парусиновые туфли потеряли форму и цвет и напоминали скорее молдаванские постолы. Ласточки летали под высоким потолком двухсветного зала.

За большими немытыми окнами виднелась блокировка, семафоры и прочие предметы, нужные в железнодорожном хозяйстве. Побегали носильщики, и вскоре через зал потянулось население прибывшего поезда. Последним с перрона вошел пассажир в чистой одежде. Под расстегнутым легким макинтошем виднелся костюм в мельчайшую калейдоскопическую клетку. Брюки спускались водопадом на лаковые туфли. Заграничный вид пассажира дополняла мягкая шляпа, чуть скошенная на лоб. Услугами носильщика он не воспользовался и нес чемодан сам. Пассажир лениво шел по опустевшему залу и, несомненно, ощутился бы в вестибюле, если б внезапно не заметил плачевной фигуры Балаганова. Он сощурился, подошел поближе и некоторое время разглядывал спящего. Потом осторожно, двумя пальцами в перчатке приподнял кепку с лица бортмеханика и улыбнулся.

– Вставайте, граф! Вас ждут великие дела! – сказал он, расталкивая Балаганова.

Шура сел, потер лицо рукою и только тогда признал пассажира.

– Командор! – закричал он.

– Нет, нет, – заметил Бендер, защищаясь ладонью, – не обнимайте меня. Я теперь гордый.

Балаганов завертелся вокруг командора. Он не узнавал его. Переменился не только костюм. Остап похудел, в глазах появилась рассеянность, лицо было покрыто колониальным загаром."

Командор был рад видеть Шуру. Ему хотелось предстать перед ним победителем. Так что еще до получения денег с подзащитного, у него была заготовлена яркая фраза и даже широкий жест для этой встречи, но теперь, глядя на бортмеханика он понимал, что не сделает его счастливым просто дав денег, скорее даже наоборот. Понимал, что и для него самого будет унижительно, глупо и мелко самоутверждаться таким примитивным способом. Самоутверждаться хотелось творчески. И Остап решил попытаться вылепить из Балаганова что-то полезное. В конце концов, чем он хуже какого-то Бернарда Шоу или Пигмалиона? А кроме того, в беспкойной голове великого комбинатора уже рождался новый план, где Балаганову могла быть отведена важная роль.

-Шура, - начал Бендер - когда мы познакомились в Арбатове, вы были голодны и уже неделю гуляли без денег. Я накормил вас и принял на должность бортмеханика. Страшно сказать, за какой-то месяц вам был обеспечен невероятный карьерный рост от бродяги без определенного рода занятий, до должности уполномоченного заготконторы с окладом в 92 рубля и социальным пакетом в виде жилья и питания!

-Да-да, с живостью поддержал жующий бутерброд Балаганов, - вы тогда прям человека из меня сделали. Я и Михал Самуэличу это всегда говорил.

-Не перебивайте меня пожалуйста Я всегда старался с пониманием относиться к вашим просчетам, объясняя их недостатком опыта. А просчетов, к слову, было не мало. Взять хотя бы приобретенную вами для нужд нашей организации печатную машинку «Адлер» без букв «Е»!

Я чесался всякий раз, когда ответственным лицам мы направляли созданные с ее помощью запросы и требования с явным турецким акцентом. По вашей милости, вынужденно заменяя все «Е» на «Э»!

-Но несмотря на оказанное вам высокое доверие, вы самовольно оставили свой участок работы, трусливо бежав в самый трудный и ответственный момент.

Шура виновато заерзал. А Бендер продолжал -

-Тем не менее, я готов простить вам ваш полуторамесячный прогул. Более того, я готов простить ваше малодушное неверие в руководство, и восстановить на работе, конечно, с вычетами за прогулы, и понижением в должности и окладе.

-Остап Ибрагимович! Ды я, ды вы - возбужденно начал было Шура. Но командор жестом оборвал его.

-Не благодарите. Я направляю вас в командировку. В Одессу. В Школу Мореходного Обучения. Вы же научились у Козлевича управлять автомобилем? Значит и на матроса сможете выучиться. Обмундирование, жилье и питание там предоставляют, так что командировочные не потребуются. А жалование я вам буду направлять раз в месяц по почте, чтоб вам не отошлат на казенных харчах. У вас ведь четыре класса училища? Есть какие-то документы? Аттестат, удостоверение личности получали?

-Да. У бабки, барыги одной на Верхней Красносельской. Тут недалеко - радостно закивал Балаганов,- я мигом.

-Даю вам ровно два часа. Встречаемся на Брянском вокзале. В зале ожидания под часами. Ждать не буду.

-И вот еще что. Возьмите 20 рублей. Переоденьтесь у вашей барыги пожалуйста. Нужны ботинки, темные штаны, пиджак, куртка какая-то, чтобы вас можно было предъявить, как трудящегося. Почему, как появляется серьезное дело, я вынужден беспокоиться о вашем гардеробе?

Оставшись один, великий комбинатор, неторопливо и с удовольствием допил вино, после чего также неторопливо покинул вокзальный буфет. Он вошел в дверь с надписью «посторонним вход воспрещен», и уверенно, зашагал по служебному коридору вокзала в направлении стрекота печатных машинок. В своем заграничном костюме, среди снующих мимо железнодорожников, он походил на красавец-локомотив серии «Э» среди черных маневровых паровозиков.

-Милочка, обратился он мягко и в тоже время, начальственно-повелительно к ближайшей машинистке, зайдя в машбюро, - напечатайте пожалуйста сейчас под мою диктовку.

Оробевшая, перед представительным мужчиной, девушка не решилась поинтересоваться, кто он, собственно такой, и затрещала барабаном, заряжая чистый лист. Остап же, не дожидаясь, когда она будет готова, начал диктовать так, как будто читал,-

-Характеристика на тов.Балаганова Александра Васильевича 1905 г.р.

Дана для представления в Одесскую Школу Морского Обучения.

Национальность – русский, происхождение из рабочих, образование – 4 класса, беспартийный.

За время работы прошел путь от разнорабочего до уполномоченного загот.конторы.

Зарекомендовал себя дисциплинированным, целеустремленным и исполнительным работником, стремящимся овладеть новыми знаниями и умениями. Самостоятельно научился управлять легковым автомобилем. Требователен и принципиален к себе и сослуживцам.

Проявил большой интерес к изучению историю жизни и борьбы революционеров-моряков, обобщал и применял на практике полученные знания, по собственному почину, выступая с тематическими докладами в районных центрах страны.

Неоднократно демонстрировал классовое самосознание и инициативность в общественной жизни. Имеет опыт созыва собраний и формирования первичных профсоюзных ячеек.

И.о. Председателя загот.конторы рогов и копыт, руководитель автоколонны
Козлевич А.К.

Овладев документом, Остап быстро пробежал его глазами, поблагодарил машинистку и направился на Брянский вокзал.

Когда командор прибыл на место, умытый, причесанный и переодетый Шура уже прогуливался под часами.

-Вот, - протянул ему Бендер характеристику, на которой уже синели неразборчивая подпись и печать – недостающий документ для поступления. Прочтите и запомните. Что непонятно,- спросите.

Балаганов, уткнулся в документ и зашевелил губами. Со стороны было занятно наблюдать, как по мере прочтения, расправлялись его плечи и менялась осанка, рождалось и росло самоуважение

-Ух здорово! Неужели это я!? – Восхитился Шура.

-И, обратите внимание, граф, это все чистая правда. –По-деловому сухо подчеркнул Бендер.

Тут Балаганов как то замялся в нерешительности,-

-Остап Ибрагимович, а я же вам подарок приготовил!

И, смущенно и загадочно глядя на Остапа протянул ему книжечку в аккуратной обложке из газеты Гудок.

Подарок оказался неожиданным даже для такого бывалого человека, как великий комбинатор. Это были паспорт и вид на жительство в СССР гражданина Греции на имя некого Петра Фемиди. И поражали эти документы прежде всего невероятным сходством фотографий прежнего владельца с его собственным, Остапа, лицом.

-Правда похож!? –интересовался Балаганов, не сдерживая восторга, - и тут же, видя сомнения Бендера, простовато добавил, - да вы не волнуйтесь, документ совершенно чистый, без криминала! Я его в карты две недели назад выиграл у одного санитара из морга. К ним этого бедолагу привезли как неопознанного. Без документов. А у него в кармане прореха была и паспорт за подкладку провалился. Ну и санитар, когда пиджак-то снял, его нащупал и придержал. Диагноз поставили «тромбоз сердца» или как-то так. За ним никто не обращался. Получается, вроде, как и не было человека

-Проигрался мне он тогда вчистую, - продолжал свой рассказ Шура,- и под конец поставил это. Я сначала играть-то на такое не хотел, но как фото увидел, прям дар речи потерял. Бывает же, думаю. Вылитый вы. Ну разве только шрама нет Вы же греческий знаете, может он вам и пригодится?!

Тем временем объявили посадку. Пассажиры потянулись на пирон. Вагон СВ, а иными Бендер теперь не ездил, располагался в голове состава. Сразу за тендером и бригадным вагоном. Так что ради комфортной поездки требовалось пройтись. Пахло дымом и креазотом. Остап вяло разглядывал публику, а Балаганов без умолку рассказывал о том, что с ним и Козлевичем приключилось после расставания с командором.

-Ах да! Забыл вам сказать, Адам-то Казимирович наш – агент ОГПУ. Он и меня звал, говорит, что расширение штата и образованные люди ох как нужны. Ды я же проблемный, подумал, что пострадает еще из-за меня- вещал беззаботно Балаганов.

Остап еще не успел толком отреагировать на последнее сообщение. Он лишь внутренне усмехнулся «образованным людям», как от колон дебаркадера отделились четыре фигуры в одинаковом штатском и уверенно двинулись навстречу молочным братьям.

Командор похолодел и решил сохранять спокойствие, а Шура, не замечая ничего вокруг, продолжал,-

-А куратором у него в Черноморске знаете кто был? Ни за что не догадаетесь! Зося Синицкая!- добил он Бендера, и только тут заметил приближающихся в одинаковом штатском.

Они были так близко, что испугаться Балаганов не успел. И хорошо, что не успел. В следующий момент где-то сзади прозвучал вежливый голос-

-Гражданин Талмудовский? Кондрат Иванович? Пройдемте с нами, пожалуйста.

Глава 2

О щедрости случайного попутчика

День, перед неожиданной встречей с Балагановым, Остап коротал в поезде Самара-Москва. Он лежал на мягком диване спального вагона и обдумывал сложившееся положение. Дело в том, что пару дней назад грубо и, похоже, безвозвратно, разрушилась хрустальная мечта его детства. И что любопытно, произошло это совсем не там, где, по логике, могут разрушаться мечты о дальних загадочных странах, т.е. в не банке и не в отделе выдачи виз и разрешений, а в самом неожиданном для этого месте, - в библиотеке.

Так сложилось, что уже более десяти лет, с самого 1917 года Бразилия не имела никаких дипломатических отношений с Советской Россией. Соответственно, и советская пресса практически не освещала событий в этой южноамериканской стране. Долгое время это совершенно не мешало великому комбинатору мечтать о Рио-де-Жанейро. Однако появление необходимых денежных средств автоматически превратило мечту в цель и заставило заняться подготовкой и планированием поездки. В одном из читальных залов, в поисках актуальной информации, Остап, в конце концов, наткнулся на печатный орган Коминтерна - журнал «Путь МОПРа», из которого он узнал, что в Бразилии дело идет к революции, и справедливо рассудил, что с Рио следует повременить.

Нет, Бендер не изменил своего намерения уехать из СССР. Противоречия с советской властью, о которых он говорил Балаганову в Арбатове, никуда не ушли. Ему по-прежнему было скучно строить социализм, а советская власть, по-прежнему от него хотела участия в строительстве. Но, как человек рефлексирующий, он просто отказывался рассматривать отъезд из СССР в качестве цели, а внятного ответа на простой вопрос «зачем», у него не было. Требовалось срочно найти какую-то новую цель или мечту, чтобы жизнь снова обрела смысл.

Впрочем, и с отъездом, чисто технически, оказалось не все просто. Обретя, наконец, столь желанный миллион, Остап с удивлением обнаружил, что в 1930 году выезд из СССР за границу стал нетривиальным делом и всякому желающему разрешения уже не дают. Еще хуже с обменом и вывозом валюты. Миллион советских рублей просто невозможно обменять в банке. Советским людям, отправляющимся за рубеж, меняют всего по 20-30 долларов. Оставалась еще какая-то надежда на черный рынок. Ведь в стране работают тысячи иностранных специалистов. В рублях они получают только половину зарплаты, а вторую половину в валюте. Магазины Торгсин принимают эту валюту по курсу 50 копеек за доллар, что должно толкать иностранцев искать иные пути продажи. Но и тут Остапа ждало разочарование. Установившийся курс черного рынка оказался 3 цента за рубль! Этот курс самым красноречивым образом свидетельствовал об объемах сделок. Но, даже если предположить, что кто-то захочет купить миллион рублей, заплатит он за него всего тридцать три тысячи долларов. А это уже совсем не та сумма, с которой можно уверенно себя чувствовать за границей.

Конечно, многовековой опыт скитаний армянского народа по чужбинам говорил Остапу, что и иммигранту всегда можно выжить. Но штука-то в том, что выживать на чужбине он не хотел ничуть не меньше, чем строить социализм на родине! Да и в самом слове «иммигрант» для Остапа было что-то унижительное. Что-то от семенящей трусливой побежки потерявшейся собаки.

За невеселыми мыслями командор не заметил, как наступили сумерки.

На станции Потьма в купе Бендера вдруг открылась дверь и в светлом проеме появился представитель свободомыслящей австрийской газеты Генрих. Теперь настал его черед отставать от литерного поезда с журналистами, и он это сделал.

Судя по всему, австрийцу по сей день не давали покоя воспоминания 1918 году, когда он был вынужден очень спешно покинуть Одессу вместе со всей австро-венгерской оккупа-

ционно-освободительной миссией. Поэтому, помолчав некоторое время, Генрих завел свой обычный разговор о том, как мало и плохо было сделано с СССР за истекшие тринадцать лет.

Бендер слушал его с легкой улыбкой, думая, что вне зависимости от того, провокатор Генрих или нет, человек этот в сущности ничего не знает и не понимает ни о советских людях, ни о стране.

-Мы вот с вами ездили на смычку новой железной дороге –говорил австриец,-

-Прекрасно! Масштабное строительство! Но, рельсы по большей части привезены из-за границы. Металлопрокат для мостов – тоже из-за границы. Локомотивы, которые нас тянули, это дореволюционные проекты, которые для СССР произвели в Швеции и Германии!

Остапа не очень интересовало содержание дискуссии, но за державу ему было обидно. В конце концов, это Австро-Венгрия, по итогам войны, перестала существовать, и Австрия теперь раз в двести меньше СССР. Кроме того, не зря же он когда-то хотел быть адвокатом и зачитывался речами Плевако и Кони? Остап начал так-

-Вы, европейцы, очень любите манипулировать временем. Когда вам выгодно, вы готовы сфокусироваться на пятилетке, а когда не выгодно – не замечаете века. Вот, например, берберы захватили юг Европы менее чем за десять лет. После этого вам потребовалось восемьсот(!) лет, чтобы их полностью изгнать. Но ваша официальная история считает эти два события одной войной, которая завершилась вашей, западноевропейской, победой.

-Когда вы говорите, что мы за тринадцать лет ничего не сделали, то это тоже лукавство. Ваши интервенции и Гражданская война, которую опять же вели на ваши деньги, завершилась в октябре 1922 года. Иными словами, наша страна живет мирной жизнью всего восемь лет.

-Далее. Тяжелое машиностроение сосредоточено в городах. Я думаю, что вам не хуже меня известно, что сейчас, вот прямо сегодня, в СССР городского населения всего около 20%. А в США более 50%! Не хватает рук, вот и заказываем пока паровозы в Швеции. Но и свои разработки в СССР уже есть. Дайте время, и вы увидите их на железных дорогах Европы.

Поезд сделал остановку. Генрих, желая прервать неудобное направление разговора, похлопал себя по карманам, и неуверенно обратился к Остапу,-

-У вас закурить не найдется? А то у меня все в поезде уехало.

Бендер не курил, но старался всегда держать при себе папиросы для налаживания отношений. Вышли на пирон. Остап протянул портсигар с богатырями. Генрих достал из кармана спички. Зажег, прикурил.

-Ладно,- сказал он наконец,- заводы, станки, локомотивы,- я понимаю, все это сложно. Быстро такое не сделать, и время, и рабочие и технологии требуются. Но есть же вещи очень простые. Вот спички, например. -Он для убедительности потряс коробком. -Ведь они могли бы вам приносить валюту! У вас коробок одну копейку стоит, а в США 3 цента! В Великобритании и того больше,- полтора пенса! Но вы же с вашей Революцией и спички делать разучились! Все только лозунги да митинги! Производите вы их много. Да. Но хорошо, если зажигается каждая десятая! В 1928 году приезжал к вам спичечный магнат - Ивар Крюгер, хотел бизнес делать, да увидел, какой к вас бардак, понял, что вы и не конкурент и не партнер, и уехал...

-А кто такой этот Крюгер? – спросил Остап, который стал сразу невероятно внимательным к словам австрийца, как только услышал о разнице в цене на мировом рынке на столь обыденный товар.

-Да, швед один. Мировой монополист. Скупил уже 75% всех спичечных заводов на планете. Личность теперь заметная. Кредиты целым государствам раздает. Даже кризис ему нипочём. А поднялся, можно сказать из низов. У отца его была маленькая мануфактура.

-Занятно. Генрих, а вы не могли бы мне подарить ваш коробок?

Генрих ухмыльнулся.

-Я знаю, что вы, русские, считаете всех немцев скупердьями,-так вот мы, австрийцы, совсем не такие. Берите! На добрую, как у вас говорят, память. –И он широким жестом вручил командору коробок с десятком спичек.

Лед тронулся! – подумал Остап. Жизнь вновь обретала смысл. Спал он этой ночью крепко и в Москву прибыл в прекраснейшем расположении духа.

Глава 8

Ответственный работник Экспортлеса (фрагмент)

Александр Михайлович Орлов, ответственный работник Всесоюзного объединения Экспортлес, из окна своего кабинета на Тверской, разглядывал львов на воротах музея Революции и думал о проблемах финансов. Он даже припомнил старорежимного, хотя и гениального, поэта Пушкина, которого, в 1833 году, перестали пускать в здание теперешнего музея как раз из-за таких вот проблем.

-Обещал Александр Сергеевич за четыре года выплатить 24800 рублей, и не выплатил. Уж не он ли придумал тогда всю эту историю, что именно за четыре года необходимо управляться? – предположил было Орлов. Но отогнал последнюю мысль, как несостоятельную. Так как не стал бы великий поэт брать на себя такие повышенные обязательства по возврату карточного долга какому-то паразиту-помещику Огонь-Догановскому!

При этом в фамилии Пушкинского кредитора Орлову почудилась какая-то насмешка. И потому, что он сам сейчас находился в здании ЭкспортЛЕСА, и потому, что отвечал в этом здании за экспорт спичек, которые никак не желали экспортироваться. Не складывался у него экспортно-импортный план.

-Пушкин, если по совести сказать, очень легко отделался. Всего-то и проблем, в Английский клуб перестали пускать. – подумал Орлов, и даже сглотнул.

Тут важно уточнить, что Александр Михайлович был ответственным работником не только, и даже не столько Экспортлеса. Основным местом его работы, а вернее сказать службы, был ИНО ОГПУ (Иностранный отдел Объединённого государственного политического управления при Совете народных комиссаров СССР). Учреждение серьёзное, и задачи перед ним стояли серьёзные. Надо было добывать технологии, научные разработки, привлекать специалистов, способных помочь в создании индустриального чуда.

Когда задачи серьёзные, то и спрашивают за них серьёзно. На утреннем совещании по основному месту работы Александру Михайловичу недвусмысленно напомнили о выполнении плана по набору и подготовке новых кадров в ИНО, расширении сети. Шутка ли, удвоить численность за кордоном за год?! На это нужны не просто какие-то деньги, а валюта! Но как-то так случилось, что планы по расширению никак не были согласованы с контингентами, а контингенты уже утверждены, и взять дополнительную валюту негде.

Он было сунулся к руководству, но понимания не нашёл.

-Это демагогия, Товарищ Орлов. Не справляетесь, возьмите самоотвод. Только потрудитесь объяснить, чем вы занимались три года в Экспортлесе? Почему ваша деятельность не принесла никаких поступлений стране?

На поиск источника финансирования ему дали две недели...

Потом было совещание уже в Экспортлесе, тоже не самое позитивное. Планы у всех были жесткие. Поступлениями от своих направлений делиться никто не стремился. А зона ответственности Александра Михайловича вообще выглядела гиблым делом.

В 1928 году, когда Орлова только направили в Экспортлес, из Швеции приехал Ивар Крюгер – спичечный магнат, контролировавший 75% производства на планете. Швед посмотрел на лучший советский завод. Повертел в руках неказистые коробки. Почиркал спичками. Убедился, что загорается каждая девятая, да с тем и уехал. Поняв, видимо, что с этой стороны конкуренции опасаться не стоит.

Глава 9

Архангельск-Ленинград (фрагмент)

Серый день сменили синие сумерки.

Вдали возник и стал разрастаться белый конус. Под ним сверкали дуги рельсов, а конус, следуя их изгибу, плавно поворачивал раструб к пирону. На станцию пребывал ленинградский поезд.

Пыхнули клубы пара. Налетевший ветер перекинул шлейф дыма с юга на север.

Вагон СВ уже погружался в дрему. Остап дошел до своего купе и потянул ручку, дверь отъехала, и он увидел тревожное женское лицо и тут же открывшего глаза ребенка. Женщина тяжело и протяжно вздохнула. Это была Зося Синицкая.

-Мама, кто это? –Спросил ребенок.

Зося ответить не успела. Из сумрака зазвучал глубокий, бархатистый голос -

-Я твой сон, малыш. Я тебе снюсь.

Ребенок неуверенно похлопал глазами.

-Хочешь, я расскажу тебе сказку? –продолжал бархатистый голос.

-Хочу,- сквозь зевок, но немного капризно, ответил мальчик.

И Остап начал –

-Познакомились как-то раз пепельница и портсигар.

Зося округлила глаза и выразительно посмотрела в темноту из которой исходил голос, но Бендер продолжал невозмутимо и ровно-

-Пепельница – умница и красавица. Портсигар тоже ничего себе, видный и содержательный.

-И решили они пожениться и стали жить вместе. Быстро пролетел у молодых супругов медовый месяц, и портсигару, как ни не хотелось, пришлось вернуться к работе. Жизнь портсигаров, известное дело,- сплошные командировки да разъезды. А вернется,- у жены полно гостей. Посольские да Столичные. Некуда было приткнуться ему со своей папироской. Так и не заладилась у них жизнь

Остап умолк. Ребенок крепко спал.

-Как ты здесь оказался!?! –напряженно прошептала Зося, впервые обратившись к Остапу на «ты».

-Во-первых, здравствуй.

-Здравствуй. И все же?

-Боюсь, тебе, как материалистке из Черноморска, будет сложно это понять.

-Я не из Черноморска, а из Алексина. И хотела бы все же попробовать.

-Ну что же, изволь. Видишь ли, когда человек впервые попадает в большой город, то ему кажется, что затеряться в этой толпе народа и улиц легче лёгкого. Однако вся штука в том, что большие города, скорее всего, не случайно появились именно там, где появились. И они обладают, субъектностью, что ли. То есть могут проявлять свою волю, независимо от наших желаний и действий.

Зося смотрела с сомнением.

-Еще раз говорю, с материалистической позиции этого не понять. Но тебе достаточно пожить в Москве или Ленинграде год-другой, и ты начнешь чувствовать, что встречи, подобные нашей – не случайность. Тебе не сложно будет это сделать. Во всяком случае, разделение событий на случайные и не случайные, как я понимаю, являются значимой частью твоей профессиональной деятельности.

-Казимирыч разболтал!- догадалась Зося, -Ты, конечно его здорово выручил, когда выдернул из Арбатова в Черноморск. Но все равно, вашу шайку следовало бы арестовать.

-Помилуйте, Зося Викторовна, за что нас было арестовывать?

-За грабеж, совершенный группой лиц. Статья 165 УК РСФСР. Я же там была и все видела.

-Отлично, что у нас есть независимые свидетели! Может свидетели могут сообщить, что именно было похищено у так называемого потерпевшего? Нет? В таком случае мы могли бы говорить лишь о статье 146, если бы не одно очень существенное обстоятельство, которое не должно было ускользнуть от нашего уважаемого свидетеля. А именно то, что гражданин Балаганов, заступившись за несчастного старика, сам подвергся нападению и был вынужден защищаться!

- Ну да! Конечно! Ваш рыжий здоровяк Шура находился в «состоянии необходимой обороны»! – скептически фыркнула Зося. – Где это ты, хотелось бы знать, так хорошо изучил УК?

-Служил,- сухо и с неохотой ответил Бендер.

Зося с новым интересом посмотрела на него-

-Остап, я никогда не могла понять, говоришь ли ты правду или выдумываешь, но все же, скажи, чем ты всё-таки занимаешься?

-Я литератор, -неожиданно ответил Бендер

-То есть ты писатель? – с еще большим интересом спросила девушка.

-Ну что ты? Я же не состою членом ВОАПП (Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей). Это раньше Достоевскому было достаточно писать книжки, чтобы считаться писателем, а теперь бы у него такой номер не прошел.

-Ну хорошо, а в чем тогда состоит твоя деятельность?- не унималась Зося.

-Когда мы с тобой познакомились, я работал над большим романом. Видишь ли, мне не давали покоя лавры Гоголя! Хотелось написать о новом «маленьком человеке». Своего рода Башмачкине советской эпохи. Я долго присматривался. Искал героя. Делал наброски. Собственно, в этом состоит деятельность литератора, - собирать материал и писать. Понятно?

-Более или менее. И что было с романом дальше?

- О, думаю, что мне просто повезло, совершенно случайно в Геркулесе нашел Александра Ивановича Корейко. Незаметнейшего человека. С ничтожной зарплатой. И, при этом с уникальными способностями в арифметике и логике!

-Да-да, -с живостью поддержала Зося, - ребусы он тоже лихо разгадывал.

-Ну да,- продолжал Остап – Физически очень крепкого. Увлеченного очаровательнейшей, как мне показалось, девушкой на свете.

-Значит показалось?

-Да нет, на самом деле очаровательнейшей. Когда он пропал, роман был почти дописан, и оставалось уточнить только несколько штрихов к портрету героя, но я не сильно расстроился, ведь в моей жизни появилась ты.

-Остап! Ты бесстыдно врешь! Ты умчался даже не попрощавшись толком, как только узнал, где находится Корейко!

-Зося, мне правда очень неловко, что так тогда вышло. Я действительно слишком увлекся своим романом. Но согласись, в роли теленка на веревке, я бы потерял для тебя всякий интерес. Ну и, знаешь, после нескольких десятков телеграмм, которые я послал, ты могла бы быть снисходительней.

-Телеграмм я не получала. Через неделю после твоего отъезда меня перевели в Москву... Я так понимаю, Александра Ивановича ты нашел?

-Да, нашел. И знаешь, результат нашей встречи явился для меня большим сюрпризом. Я дал ему ознакомиться с рукописью, и он прочел ее с большим интересом. Но оказалось, что Корейко невероятно скромный человек. Он сказал, что высоко ценит мое творчество, но хотел бы избежать незаслуженной славы. Поэтому, представь, он готов купить и роман и черновики! И предложил неожиданно хорошие деньги. Надо сказать, что к этому моменту я уже порядком

поиздержался, да и будут у меня еще удачные произведения. Словом, роман был продан прототипу, как бы странно это не звучало.

-Ладно. От себя дополню, что при задержании у твоего прототипа никакой рукописи не нашлось. А вот набросков была целая папка.

-Ну а теперь над чем ты работаешь?

-Пока не могу сказать. Это опять роман. Но на этот раз о человеке болезненно тщеславном. Буржуе и иностранце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.